

УЗИМНЕИ
КАНАВКИ

Амфитеатр-миниатюра. Резцом мастера в стенах высечены колонны в дымчатых, розовых и серых прожилках. Между колоннами толщу камня прорезали ниши. Над полуovalами же ниш возникли выпуклые барельефы: Вольтер, Мольтер, Расин. С потолка спустилась как бы в пене жемчуга люстра и уступами шли, развернувшись малиновым веером, скамьи амфитеатра.

Казалось, вся работа создана в одне дыхание.

Так возникал во всей своей торжественной завершенности театр-миниатюра, воздвигнутый Джакомо Кваренги, прозванный Эрмитажным театром.

Нет смысла говорить о великолепии Эрмитажа. Не раз это было уже сказано лучшими словами. Быть может, когда-нибудь над выходом из Эрмитажа будут укреплены слова: «Человек — это звучит гордо». Если этой надписи и нет, то она во всяком случае звучит в мозгу после осмотра одного из величайших хранилищ мира.

Эрмитажу нехватало одного: художественная история человечества не говорила. Со стен глядели живые люди и молчали. Поблескивали их живые глаза, смеялись яркие губы, застыли физические осязаемые тела — голоса не звучали.

А эпоха могла заговорить. В полном смысле этого слова. В полусвете запыленного склада валялась разбитая виола. Смякшееся коричневое лицо фавна, вырезанное из дерева, украшало гриф этого старинного инструмента. Были и другие виолы. В Ленинграде хранились пожелтевшие листы старого нотного письма. Где-то в углу музея Филармонии стоял с прорванными струнами в потускневшей позолоте своих тляжеловесных вычурных ножек старинный клавесин отрех клавиатурах. В библиотеке Консерватории можно было разыскать старые итальянские и французские трактаты о теории музыки. Среди коллекций Эрмитажа были кожаные мешки с присосавшимися к ним 4 трубами белой резной кости. Кожаный мешок издавал крикливо-пронзительные звуки, звался волынкой и был непримечательным участником деревенских празднеств.

Эпоха могла заговорить.

Эрмитаж воздействовал бы тогда не только «на глаз», не только игрой красок, но и звучаниями прошлой жизни.

Нужно было заставить зазвучать старинные инструменты. Мало было для этого реставрировать их. Виола в неумелых руках современного скрипача коробила бы слух нестерпимым скрипением струн. Клавиши клавесина под руками современного пианиста не давали бы ему наполнение звука все увеличивающейся силы. Нужно было восстановить тогдашнюю технику игры. Нужно было сквозь наслоения времен восстановить первоначальный смысл старого нотного письма. Его казалось бы неизменяемые начертания — до, ре, ми, фа, соль — в действительности, так же изменялись ходом времени в своем звучании, как изменяется произношение буквы на разных языках.

Нужно было реставрировать не только инструменты, но и их звучания.

Эта работа объединила группу ленинградских музыкантов — Гинзбурга, Эйдилина, Каменского, Меровича, Браудо. Голубовскую — и через несколько месяцев они показали ее. Было выбрано время, когда на смену феодализму шла эпоха «добротного буржуа», представителя третьего сословия, «стола общества».

Это была трудная работа — легко было впасть в стилизаторство. Только недавно перед тем вышли с маркой «Academia» изящные портативные книжечки Анри де Ренье, украшенные изысканной графикой Акимова. В них изображались люди XVIII столетия с изяществом и скептицизмом минувшего века. Легко было повторить в музы-

ке литературные реминисценции Анри де Ренье.

Премьера. На первое представление вновь образованного Эрмитажного театра собираются... старушки. Это — маски старого мира. Со всего Ленинграда собрались обломки империи. Старушки недовольно поджали губы. Они ожидали worse не этого.

Не было никакого любования старинной. Спектакль начинался вступительным словом. Старушки хотели уйти от жизни, забиться хоть здесь, а «ведущий» говорил опять о классах, о противоречиях, о музыке, как об идеологии. У них возникла надежда, когда красный бархат занавеса раздвинулся вокруг серебристого стрелчатого органа, но надежда эта быстро угасла.

Театр не собирался создавать церковную мистерию. Опять выступил «ведущий» и говорил о том, как искусство вырывалось из оков церкви. Спектакль явно приобретал характер выставки, и звучания прошлого играли роль церковной утвари в антирелигиозном музее. За тревожающей «Застольной песней» Шарля Лемера шла песня «Голодного ткача». Театр показывал увеселения знати и простого народа, концерт вел слушателя от мрачного католического хора, гнетущего душу, через издевку ярмарочного балагана над искусством аристократии, к боевой песне марсельцев, так, как она звучала в суровые годы Конвента.

Театр сделал другую работу — «Немецкая музыка эпохи империализма». На сцене театра Кваренги стоял европейский двойной рояль Шнейль, один из нескольких роялей этого типа, существующих во всем мире. Напротив друг друга за клавиатурой сидели два пианиста — Каменский и Мерович — и в зале раздались — в отрывках — «Гунтрам» Штрауса. К роялю присоединились чистые голоса. От Рихарда Штрауса через Малера театр вел программу дальше. Ее перебивали серебряные трубы рот-фронтского оркестра, те самые трубы, которые были подарены красными фронтвиками заводу им. Сталина. Звучали песни немецких пролетариев о Карле Либкнехте и Красной Розе. Программа шла дальше, она вела к истерико-эротической «Монне-Лизе» фашиста Шиллинга, она показывала расслоение мелкобуржуазной интеллигенции. Песни Эйслера завершали концерт.

На сцену театра выскочит веселый башмачник Блез таким, каким видим мы его на старинных гравюрах. Театр готовит еще две оперы XVIII века «Бастень и Бастеньна» — Моцарта и «Аптекаря» — Гайдна.

Театр достоин поддержки. Он заслужил право иметь свой постоянный кадр исполнителей и Наркомпрос ему это право должен предоставить.

Мы были свидетелями того, как на скамьях амфитеатра сидели люди в костюмах цвета хаки, пережатых кожаными ремнями. Это группа высшего состава Ленинградского округа слушала спектакли Эрмитажного театра. Работники высшего состава выкроили время из своего рабочего дня, плотно забитого заботами. Чтобы узнать, как шла война за реализм в искусстве. Во время фестиваля интуристами показали «Госпожу-служанку». Они были восхищены.

Д. СЛАВЕНТАНТОР.